
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

LEGAL EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION IN FOREIGN AND NATIONAL LEGAL SYSTEMS

УДК 343.829

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).925-935

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. Н. Антипов, Б. А. Спасенников

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва,
Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

5 сентября 2018 г.

Дата принятия в печать

15 ноября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

24 декабря 2018 г.

Ключевые слова

Безопасность; право; учреждение;
уголовно-исполнительная
система; осужденные; концепция;
совершенствование

Аннотация. Не вызывает сомнений, что в основе деятельности любой сложноорганизованной системы, к которой относится и уголовно-исполнительная система, лежит право. Насколько эффективным регулятором общественных отношений оно является, настолько обеспечивается безопасность функционирования данной системы, создаются условия для реализации как основных прав и законных интересов лиц, отбывающих лишение свободы и содержащихся в следственных изоляторах, так и прав и свобод работников учреждений уголовно-исполнительной системы, лиц, по тем или иным причинам посещающих места принудительного содержания. Особая актуальность рассматриваемой темы обусловливается тем, что учреждения уголовно-исполнительной системы относятся к местам, наиболее подверженным негативному влиянию криминальных структур как изнутри, так и извне. В этой связи поддержание соответствующего уровня безопасности является неременным условием функционирования уголовно-исполнительной системы, исполнения ею стоящих перед ней государственных задач в сфере реализации уголовно-исполнительной политики, создания предпосылок для позитивного развития человека, общества и государства. Характеризуя состояние безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы, авторы обозначают сформировавшиеся и формирующиеся положительные и негативные тенденции, которые иллюстрируются статистическими данными, а также отмечают, что, несмотря на повышение уровня криминогенности лиц, отбывающих лишение свободы, ситуация в учреждениях уголовно-исполнительной системы благодаря целенаправленной деятельности работников ФСИН России остается хоть и сложной, но контролируемой и стабильной. В результате анализа правовой основы функционирования уголовно-исполнительной системы обоснована необходимость совершенствования различных нормативных правовых актов, регулирующих ее деятельность. Уделено внимание проблемам повышения гарантий реализации прав потерпевшего, достижения целей применения уголовных наказаний, усиления взаимодействия различных государственных органов, преемственности выполнения поставленных задач (интегрированности в общество), а также решению задач, связанных с постпенитенциарной ресоциализацией, и т. д. Все эти вопросы рассмотрены в контексте международных стандартов и правил с учетом национальных особенностей и интересов России. Проведенное исследование соотношения права и безопасности показывает реальное состояние дел в системе, влияние, которое право оказывает на правоприменительную деятельность и, соответственно, на состояние безопасности как учреждений уголовно-исполнительной системы, так и общества и государства в целом.

THE LEGAL BASIS OF ENSURING SECURITY IN THE PENITENTIARY SYSTEM

Alexei N. Antipov, Boris A. Spasennikov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2018 September 5

Abstract. There is no doubt that the work of any complex system, including the penitentiary system, is based on law. The degree of its effectiveness in regulating public relations equals the degree to which it ensures the security of this system's functioning, creates conditions for realizing the basic rights and lawful interests of convicts and

Accepted
2018 November 15
Available online
2018 December 24

Keywords

Security; law; institution; penitentiary system; convicts; concept; improvement

people in remand centers as well as the rights and liberties of the penitentiary system's employees or persons that visit detention facilities. The examined issue is especially urgent because penitentiary institutions are places that are most susceptible to the negative influence of criminal organizations both from the inside and from the outside. In connection with this, maintaining security is an essential condition for the functioning of the penitentiary system, for its ability to perform state tasks of enforcing the penitentiary policy, for creating prerequisites for the positive development of the person, the society and the state. The authors describe the security condition of the penitentiary system institutions and outline the existing and emerging positive and negative trends accompanied by statistical data; they also note that although the level of criminal threat from convicts has risen, the situation in the penitentiary institutions remains complex but stable and under control thanks to the purposeful work of Russian Penitentiary Service's employees. The analysis of the legal basis for the work of the penitentiary system allowed the authors to show the necessity of improving various normative legal acts which regulate its functioning. They pay attention to the problems of improving the guarantees of the realization of the victim's rights, of achieving the goals of criminal punishment, improving the cooperation of various state agencies, continuity in achieving the goals (integration in society) as well as the tasks of post-penitentiary re-socialization, etc. All these issues are examined within the framework of international standards and rules while taking into consideration national specifics and interests of Russia. The conducted research of the correlation between law and security reflects the actual situation in the system, the impact that law has on law enforcement practices and, correspondingly, on the state of security in penitentiary institutions, the society and the state as a whole.

Обеспечение безопасности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (УИС) всегда было и остается неперемным условием реализации и защиты прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы и лиц, посещающих места принудительного содержания.

Поскольку в учреждениях УИС содержатся лица, наиболее подверженные криминальному влиянию и придержающиеся криминальных взглядов, вполне закономерно, что в таких учреждениях перманентно возникают конфликтные ситуации, требующие вмешательства администрации с целью их разрешения, фиксируются многочисленные нарушения режима содержания, допускаемые лицами, содержащимися в них. В этой связи проблема обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы приобретает особую актуальность.

В основе функционирования Федеральной службы исполнения наказаний России (ФСИН России) как государственного органа исполнительной власти, в том числе в направлении поддержания соответствующего уровня законности и правопорядка, лежит право. Для большей объективности понимания взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов, происходящих в учреждениях уголовно-исполнительной системы, условий, в которых приходится работать ее сотрудникам, криминальной направлен-

ности лиц, содержащихся в учреждениях пенитенциарной системы, а также влияния права на состояние дел в системе приведем краткую характеристику состояния ее безопасности.

За период с 2011 по 2017 г. количество зарегистрированных преступлений в учреждениях УИС составило 6 559, т. е. в среднем фиксируется 937 преступлений в год. Снижение данного показателя, наметившееся в 2012–2014 гг., сменилось его ростом в 2015–2016 гг. и некоторой стагнацией в 2017 г. Говорить о каких-либо тенденциях в данном случае представляется преждевременным, за исключением относительной стабильности показателя в 2016–2017 гг.

Среди многочисленных показателей, характеризующих состояние безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, выделим и рассмотрим следующие: дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, убийства, захват заложников, побег.

1. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации). В 2011 г. деяний, квалифицируемых по признакам ст. 321 УК РФ, было 160, в 2012 г. — 146, в 2013 г. — 195, в 2014 г. — 193, в 2015 г. — 201, в 2016 г. — 228, в 2017 г. — 218. То есть начиная с 2012 г. отмечается незначительная тенденция к росту числа данных преступлений, что обусловлено криминальной активностью осужденных и особенно лиц, содержащихся в следственных

изоляторах. О некоторой стагнации (колебаниях в пределах в среднем 10 %) можно говорить относительно 2016–2017 гг.

Необходимо отметить, что значительное количество попыток дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, было нейтрализовано в результате профилактической и оперативно-розыскной работы, проводимой в учреждениях УИС. Число деяний, квалифицируемых в дальнейшем в качестве преступлений, в общем количестве попыток дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, составило: в 2011 г. — 6,8 %, в 2012 г. — 7,6 %, в 2013 г. — 9,8 %, в 2014 г. — 8,8 %, в 2015 г. — 8,6 %, в 2016 г. — 12,1 %, в 2017 г. — 69,4 %¹.

Половина попыток дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, отмечается в следственных изоляторах, которые с точки зрения безопасности характеризуются нестабильностью, повышенной криминальной активностью. Чуть более 30 % попыток дезорганизации имели место в исправительных колониях, оставшиеся 20 % распределились между другими учреждениями УИС.

2. Убийства (ст. 105 УК РФ). В 2011 г. было зафиксировано 16 фактов убийств, в 2012 г. — 25, в 2013 г. — 15, в 2014 г. — 17, в 2015 г. — 20, в 2016 г. — 13, в 2017 г. — 18². Фактически начиная с 2013 г. наблюдаются колебания данного показателя около усредненного значения, которое составляет 16–17 случаев.

3. Захват заложников (ст. 206 УК РФ). В 2011 и 2017 гг. зафиксировано по одному случаю захвата заложников, в 2015 г. их было два, в 2012–2014 гг. и в 2016 г. данное преступление не зарегистрировано. Незначительное число зарегистрированных преступлений обусловлено профилактической и оперативно-розыскной работой, проводимой в учреждениях УИС. В ходе данных мероприятий выявлено и не допущено

¹ Показатель за 2017 г. выпадает из общего ряда. Обусловлено это тем, что при переходе к малым значениям, которые интерпретируются в процентном выражении, нередко наблюдается не в полной мере достоверная картина. В данном случае целесообразно рассматривать не процентное отношение, а абсолютные значения либо рассматривать такие показатели через совокупность иных показателей или в динамике не только за предыдущие, но и за последующие годы.

² Здесь и далее расчет в процентном отношении при малых значениях показывает большие цифры, которые не отражают реального положения дел. В этой связи он не приводится.

большое количество подобных преступных деяний. Необходимо отметить, что проделанная начиная с 2015 г. работа позволяет говорить о наметившейся тенденции к заметному уменьшению рассматриваемого показателя. Особенно в 2017 г. отмечается резкое снижение числа намерений захвата заложников, который в основном имеет место в следственных изоляторах.

4. Побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ). В 2011 г. было зафиксировано 187 подобных фактов, в 2012 г. — 175, в 2013 г. — 143, в 2014 г. — 125, в 2015 г. — 124, в 2016 г. — 106, в 2017 г. — 108. Сформировалась тенденция к снижению числа побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, что стало возможным благодаря большой профилактической работе, проводимой в данном направлении.

В целом количество предотвращенных преступных намерений и деяний с 2011 по 2018 г. составило 530 921 (в среднем в год 75 846). Уменьшилось число лиц, находившихся в розыске. В 2011 г. таких лиц было 350, в 2012 г. — 290, в 2013 г. — 269, в 2014 г. — 252, в 2015 г. — 214, в 2016 г. — 192, в 2017 г. — 180. И в данном направлении тенденция имеет положительную направленность.

Приведенные данные свидетельствуют о том, в деятельности по обеспечению безопасности, уменьшению количества регистрируемых случаев учитываемых правонарушений постепенно формируется тенденция к стабильности, что обусловлено значительной комплексной работой, проводимой всеми подразделениями уголовно-исполнительной системы, и в первую очередь оперативно-режимными службами.

Сложившееся положение дел констатируется в условиях снижения количества лиц, отбывающих лишение свободы. Так, численность спецконтингента (баз СИЗО) составляла: в 2011 г. — 659 448, в 2012 г. — 603 803 (–8,4 %), в 2013 г. — 573 170 (–5,1 %), в 2014 г. — 561 918 (–1,9 %), в 2015 г. — 536 315 (–4,5 %), в 2016 г. — 533 167 (–0,6 %), в 2017 г. — 508 939 (–4,5 %).

Обращаем внимание, что достигнутые результаты не могут служить основанием для успокоения. Снижение численности «тюремного населения» постепенно приводит к тому, что в исправительных учреждениях концентрируется наиболее криминогенная часть лиц. Следовательно, можно прогнозировать дальнейшее ухудшение криминальной обстановки и, соответственно, необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования, повышения эффектив-

ности работы всех органов, задействованных в реализации уголовно-исполнительной политики.

Для более глубокого анализа реального положения дел возможно сравнение рассматриваемых показателей в зависимости от численности спецконтингента, однако в данном случае мы выходим на другой уровень абстракции, при котором надо принимать во внимание иные факторы внутренней и внешней среды, оказывающие влияние на анализируемую систему. В нашем случае можно говорить о создании [1–3] и применении иного, качественно нового подхода к анализу, например с помощью нейронных сетей. Такие эксперименты уже не первый год проводятся в США³ [4], где исследуется возможность использования неких машинных алгоритмов при прогнозировании рисков дальнейшего противоправного поведения отдельных лиц (например, при освобождении под залог, принятии решения по различным вопросам, в частности по вопросу применения института условно-досрочного освобождения). То есть в ситуациях, когда можно принимать решение, основываясь на некой совокупности данных, без субъективизма правоприменителя. В России подобные информационные технологии еще только начинают применяться в различных сферах деятельности.

При анализе деятельности ФСИН России необходимо учитывать, что в учреждениях уголовно-исполнительной системы остается все больший процент лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, т. е. наиболее криминогенной части преступного мира. В этой связи закономерно наблюдается тенденция к росту числа лиц, состоящих на профилактическом учете, в общей численности содержащихся в учреждениях УИС. Так, в 2011 г. на профилактическом учете стояло порядка 70–80 тыс. чел. (в пределах 10 % от общей численности спецконтингента). В 2017 г. отмечается увеличение количества лиц данной категории, в числовом выражении оно достигло порядка 100 тыс. чел.

Очевидно, что простая интерпретация количественных изменений в качественные показатели не вполне объективна, как и наоборот. Другими словами, требуется проработка вопроса об иных показателях оценки деятельности системы. Следует указать, что данная проблема имеет отношение не только к уголовно-исполнительной системе, но и к иным государственным органам власти.

³ Machine learning of prediction and policy // The Economist Newspaper Ltd. 2016. URL: <http://www.economist.com/news/finance-and-economics/21705329-governments-have-much-gain-applying-algorithms-public-policy>.

С одной стороны, в целом ситуация с безопасностью в учреждениях уголовно-исполнительной системы, несомненно, остается сложной, что обусловлено постоянным ухудшением криминогенного состава осужденных, содержащихся в учреждениях УИС. С другой стороны, представляется возможным констатировать некоторую стагнацию, формирование положения, когда криминальная активность спецконтингента находится под контролем оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

Любая деятельность, особенно деятельность федеральных органов исполнительной власти, в том числе ФСИН России, осуществляется в правовых рамках, регламентированных нормами права, закрепленными в законодательстве Российской Федерации.

Правовую основу обеспечения безопасности составляют Конституция Российской Федерации и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, принятые в пределах их полномочий, нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. В качестве иных нормативных правовых актов Российской Федерации выделяем: Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ⁴, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ⁵, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ⁶, Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ⁷, закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля

⁴ О безопасности [Электронный ресурс] : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Там же.

⁶ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс] : федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Там же.

⁷ О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Там же.

1993 г. № 5473-І⁸, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ⁹ и др. Необходимо обозначить и документы стратегического, концептуального характера, такие как Концепция общественной безопасности в Российской Федерации¹⁰, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹¹, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации¹², Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. и др.

Федеральная служба исполнения наказаний как федеральный орган исполнительной власти непосредственно участвует в реализации нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы обеспечения безопасности, осуществляя правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений, призвана обеспечить решение ряда задач, в том числе и по «обеспечению правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы или в виде прину-

дительных работ, и в следственных изоляторах, обеспечению безопасности содержащихся в них осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов»¹³.

Отметим, что задача обеспечения безопасности в учреждениях УИС заложена в международных правилах: «Должна постоянно обеспечиваться охрана и безопасность заключенных, персонала, лиц, предоставляющих услуги, и посетителей»¹⁴.

ФСИН России, исполняя уголовные наказания, в общей структуре государственных органов власти, наделенных компетенцией борьбы с преступностью, является только частью сложной системы, призванной среди многочисленных задач решать наиболее приоритетную — обеспечение безопасности. Приоритетность данной задачи обусловлена тем, что только при определенном уровне безопасности возможно решение большинства задач, стоящих перед ФСИН России.

Обращаем внимание, что ФСИН России решает задачи исключительно в рамках отведенной службе компетенции. Многочисленные попытки возложить на службу несвойственные ей функции, например ответственность за воспитательную ресоциализацию лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, повторную преступность лиц, освобожденных условно-досрочно, в случае если администрация учреждения была против этого, снижение численности «тюремного населения» и т. п., т. е. все то, что находится вне рамок правовых норм, регламентирующих деятельность службы, и, соответственно, не относится к ее компетенции [5; 6], представляются не вполне обоснованными.

Наблюдается некий дисбаланс между целями и задачами, стоящими перед ФСИН России, и их пониманием обществом. Как представляется, в качестве причин такого положения дел можно обозначить:

⁸ Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [Электронный ресурс] : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-І // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс] : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Там же.

¹⁰ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685 // Там же.

¹¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Там же.

¹² Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // Там же.

¹³ Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 13 окт. 2004 г. № 1314 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) : одобрены и приняты Генер. Ассамблеей ООН 17 дек. 2015 г. URL: <https://www.penalreform.org/wp-content/uploads/1957/06/RUS.pdf>.

1. Наличие общественных отношений, не урегулированных правом (и по наитию отнесенных к уголовно-исполнительной системе).

2. Отсутствие (неэффективность) механизмов реализации отдельных правовых норм. Например, в ч. 2 ст. 43 УК РФ закреплено, что «...наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Однако, как показывает практика, восстановление социальной справедливости зачастую ограничивается санкциями вступившего в законную силу обвинительного приговора суда. Очевидно, что фактически реализуются публичные правоотношения, а восстановление социальной справедливости в отношении потерпевшего, несмотря на закрепленные конституционные гарантии («Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»¹⁵), не только переводится в сферу гражданско-правовых отношений, где их реализация составляет порядка 10 %, но и ограничивается действующим законодательством, приобретая усмотрительный характер. Так, согласно ст. 79 УК РФ, «лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишения свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда...». Частичное возмещение причиненного ущерба, несомненно, ущемляет права потерпевшего и не должно рассматриваться в качестве условия предоставления правонарушителю условно-досрочного освобождения.

В целях приведения норм в соответствие предлагается закрепить в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства принцип защиты и обеспечения прав и законных интересов потерпевших от преступлений [7]. Реализация данного принципа возможна по следующим направлениям: создание федеральных фондов для компенсации ущерба [8–11], как это делается в некоторых странах,

¹⁵ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : (в ред. от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). Статья 52 // СПС «КонсультантПлюс».

или создание эффективных механизмов реализации возникающих правоотношений «правонарушитель — потерпевший», предполагающих контроль государства за полным возмещением ущерба. В частности, в качестве первоначальных мер можно предложить внести изменения в действующее законодательство — исключить оценку, даваемую судами относительно возмещения вреда, т. е. вместо нормы «возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда» оставить «полностью возместило вред, причиненный преступлением, или иным способом загладило причиненный вред». Изначальная аргументация авторов проекта данной нормы, заключающаяся в том, что лицо, находящееся в местах лишения свободы, не обладает возможностями для выполнения данной обязанности, не нашла подтверждения на практике.

Дальнейшая аргументация — освободившись из мест лишения свободы, лицо будет обладать большими возможностями для возмещения ущерба в условиях отсутствия надлежащего контроля и мер, предполагающих негативные последствия в случае нереализации обещания, — не может служить государственной гарантией и, соответственно, требует доработки.

Кроме того, отсутствие соответствующей статистики может свидетельствовать о нарушении конституционной нормы, ущемлении прав потерпевшего, что неминуемо ведет к ухудшению имиджа органов государственной власти, задействованных в данном процессе, формирует тенденции поиска потерпевшими иных способов компенсации причиненного ущерба, и нет гарантии того, что они будут находиться в рамках правового поля. Возмещение причиненного преступлением вреда, по сути, есть отражение восстановления социального порядка, отражение стержня системы правосудия [12].

С другой стороны, учитывая направленность уголовной, уголовно-исполнительной политики на применение мер уголовного воздействия, в большей степени не связанных с лишением свободы, добровольное возмещение ущерба можно рассматривать как одно из условий смягчения уголовного наказания (освобождения от него). Представляется целесообразным проработать вопрос об установлении судом при вынесении решений срока льготного возмещения причиненного вреда, при нарушении которого ущерб должен автоматически индексироваться и, возможно, вести к увеличению срока наказания.

Подобная практика существует и неплохо зарекомендовала себя в административном праве¹⁶.

Закономерно возникает вопрос об эффективности права при реализации задач по обеспечению безопасности, на который вряд ли возможен однозначный ответ. Определяя в качестве объектов, с одной стороны, учреждения уголовно-исполнительной системы, с другой — общество и государство в целом, констатируем, что в рамках учреждений и органов УИС в сложившихся условиях это в определенной мере возможно и реализуется ФСИН России. Приведенный анализ показывает, что уголовно-исполнительной системе удастся поддерживать необходимый уровень безопасности. Заметим, что криминальное противодействие со стороны лиц, отбывающих лишение свободы, и лиц, содержащихся в следственных изоляторах, законным требованиям администрации постоянно усиливается, что, соответственно, требует актуализации способов и методов воздействия на лиц, склонных к негативным проявлениям, повышения уровня технической оснащенности, профессиональной подготовленности работников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, корректировки правового регулирования. Например, изыскание различных способов и средств доставки в исправительные учреждения запрещенных предметов, совершение новых преступных деяний, оказание криминального воздействия не только на лиц, которые хотят встать на путь исправления, но и на других, распространение в уголовной среде идей и взглядов экстремистской и террористической направленности, особенно религиозной, и т. д., требует постоянной корректировки законодательства Российской Федерации.

С другой стороны, обеспечить и гарантировать правопослушное поведение лиц, освобождающихся из учреждений УИС, а также то, что состояние безопасности в обществе и государстве не будет дестабилизировано данными лицами, вряд ли возможно.

Обозначенные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели наказания в виде исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений реализуются ФСИН России только в определенном объеме. Это цели, которые относятся к деятельности различных государственных структур

и общественных организаций, в связи с чем их достижение, во-первых, структурно зависит не только от ФСИН России, во-вторых, в данном процессе большое значение имеет множество факторов внутренней и внешней среды. В качестве отдельных направлений повышения эффективности реализации названных целей обозначим:

1. Пересмотр системы взаимодействия различных министерств, ведомств, служб. Не исключается возможность создания единого структурного образования — системы органов внутренней безопасности России [13].

2. Повышение интегрированности различных органов государственной власти в общество. Необходимо констатировать, что часть федеральных органов власти представляет собой весьма закрытую структуру. Взаимодействие и комплексность оставляют желать лучшего и проявляются лишь при решении конкретных ситуационных задач или в личных связях. Кроме того, отсутствует преемственность в деятельности различных органов. Существующие системы оценки деятельности данных структур не отражают реального положения дел и требуют актуализации в аспекте понимания интегрированности данных органов в общество.

3. Создание отдельных (или наделение существующих министерств, ведомств, служб дополнительным набором компетенций) структур, которые будут заниматься данными вопросами, например службы пробации, о которой речь идет с 2010 г.¹⁷ Работа над ее проектом начиналась, но была приостановлена. На сегодняшний день наблюдаем, что лицо, освобождаясь из мест лишения свободы, попадает в ту же самую среду, и никто им, фактически, не занимается. Считаем, что представляется необходимым принятие нормативного правового акта о постпенитенциарной ресоциализации. Требуется определение статуса потерпевшего, рассмотрение целесообразности принятия соответствующего правового документа. Эти и иные вопросы можно разрешить посредством правового регулирования, что, несомненно, окажет положительное влияние на состояние безопасности в обществе и государстве.

Еще один вопрос, который в последние годы достаточно интенсивно обсуждается, особенно среди различных общественных органи-

¹⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. Статья 20.25 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // СПС «КонсультантПлюс».

заций, — снижение численности «тюремного населения». Данная задача выполняется. Так, с 2010 г. по настоящее время удалось добиться значительного снижения количества лиц, отбывающих лишение свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Ставя задачу дальнейшего уменьшения численности спецконтингента, необходимо понимать, что данные процессы могут привести как к положительным, так и к отрицательным результатам.

Во-первых, сокращение численности «тюремного населения» предопределяет необходимость ликвидации отдельных учреждений, так как их содержание оказывается нерациональным. Государство не будет выделять финансовые средства на содержание фактически пустующих объектов УИС.

Во-вторых, в этих случаях наблюдаем ситуацию, когда для отбывания наказания определенная часть осужденных вынужденно направляется в иные субъекты Российской Федерации, что нарушает требования ст. 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, ухудшает социально полезные связи и т. д. Некоторые теоретики и практики со ссылкой на Совет Европы начинают говорить об имеющихся место нарушениях — необходимости сохранения учреждений всех видов в каждом субъекте. Хочется задать вопрос: за чей счет — налогоплательщиков?

С учетом большой территории России очевидно, что европейские стандарты и правила могут и не подходить для имплементации в уголовно-исполнительную систему нашей страны. Обращаясь к п. 2 предварительных замечаний Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, читаем: «Принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно»¹⁸. Если же выполнять их без учета возможностей, научного и экономического обоснования, целесообразности, Россия вынуждена будет терять значительные суммы в «надежде» на то, что число преступлений в том или ином субъекте возрастет, а это противоречит здравому смыслу и поставленным задачам. Или изначально в бюджете страны необходимо будет закладывать дополнительные средства на содержание учреждений УИС. Подобная практика уже имела место в 2010 г., когда ставилась ничем не оправданная задача перехода на тюрем-

ные условия содержания осужденных. Кроме того, необходимо обратить внимание, что, как бы Россия ни стремилась придерживаться международных стандартов, условия содержания осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах, будут различаться. Еще раз обращаем внимание, что европейские правила носят рекомендательный характер, и любая попытка придать им императивность может быть рассмотрена как вмешательство во внутренние дела страны. В данном контексте интересным представляется следующее: за год до принятия Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 г., т. е. в 2009 г., на XV Европейской конференции директоров тюремных ведомств с докладом выступил известный британский ученый и общественный деятель (в прошлом — начальник одной из лондонских тюрем) Эндрю Койл. Он призывал Европу пересмотреть «...концепцию современной тюрьмы... как сооружения с запорами и засовами, окруженного высокими стенами, где заключенные находятся под постоянным надзором». «Россия, — говорил он, — подает другой пример... — исправительная колония, в которой осужденные имеют относительную свободу передвижения в рамках... охраняемой территории» [14].

Комментируя британского ученого, Н. Б. Хуторская пишет: «Конечно, Койл имел в виду не содержание исполнения наказания в нашей стране, а лишь его форму. Но все же, чем, как не средневековой Азией, выглядит на этом фоне стремление новых руководителей ФСИН перефилировать 500 отечественных колоний в тюрьмы? Почему они считают, что «европейский образец» — это то, что приводит Европу в ужас и содрогание: маломестные камеры, запираемые на 23 часа в сутки, часовая прогулка, отсутствие работы и учебы и минимум контактов с внешним миром (свиданий, отпусков и т. д.)? На всех международных профильных мероприятиях говорится, во всех итоговых документах прописано, что подобная форма лишения свободы «негуманна» и «препятствует адекватному возвращению заключенного в общество». Проще говоря, после такого наказания на волю выйдут люди озлобленные и агрессивные, а тот самый «рецидив преступности» будет зашкаливать» [15].

В-третьих, уголовно-исполнительная система исполняет наказание, а не назначает его, соответственно, она не может рассматриваться как субъект данных правоотношений. Это сфера уголовной политики государства.

¹⁸ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [Электронный ресурс] : приняты 30 авг. 1955 г. в Женеве // ИПО «Гарант».

В-четвертых, вопросы сокращения численности «тюремного населения», так же как и вопросы обеспечения безопасности, имеют комплексный характер и зависят не только от уголовной, уголовно-исполнительной политики государства, но и от социальной, экономической политики и т. д.

В-пятых, процессы искусственного уменьшения численности спецконтингента могут постепенно стать основой формирования негативных явлений в обществе, обусловленных ростом правового нигилизма, недоверия государственным органам власти, неверия в правосудие и справедливость и т. д. В данном аспекте стоит согласиться с мнением Г. Ю. Лесникова, который указывал, что «...виды наказания должны разрабатываться с учетом уменьшения доли, связанной с лишением свободы. Сокращение масштабов уголовной репрессии в отношении широкого круга граждан, в первую очередь несовершеннолетних... должно осуществляться в условиях государственной политики укрепления семьи, социальной поддержки малоимущих и социальной реабилитации лиц, допустивших нарушения уголовного закона» [16].

Хочется напомнить, что в 2010 г., перед принятием Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 г., В. С. Овчинский писал: «Сейчас стало модным обсуждение проблемы «гуманизации наказания». В Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 года, представленной руководством Минюста и ФСИН Президенту России Дмитрию Медведеву, предлагается кардинально изменить учреждения исполнения наказания, шире использовать условно-досрочное освобождение, перевести часть преступлений небольшой тяжести в административные правонарушения, а тяжких — в преступления средней тяжести, шире использовать такие виды наказания, как условное осуждение, краткосрочные аресты, домашние аресты и штрафы вместо лишения свободы». Основание — «...скрытая боязнь проблемы увеличения количества «сидельцев» в колониях и СИЗО...» [17].

Россия занимает одно из лидирующих положений по абсолютному количеству лиц, находящихся в местах лишения свободы. Сходную аргументацию мы слышим и сейчас. Как представляется, данная задача должна перейти в иную плоскость понимания и решения. Стремление приблизиться к Европе должно быть целесообразным, обоснованным и возможным.

Также отметим, что в условиях отбывания наказания (содержания в следственном изолято-

ре) определенная категория лиц, несмотря ни на что, продолжает противоправную деятельность. В следственных изоляторах эта деятельность направлена на оказание воздействия на участников уголовного судопроизводства в целях смягчения приговора, изменения свидетельских показаний, сокрытия материальных ценностей, добытых преступным путем, и т. д. В исправительных учреждениях такая деятельность направлена на поддержание криминальных связей с «волей», совершение новых преступлений, в частности мошенничества с использованием средств мобильной связи. Установленные в ст. 19.12 КоАП РФ возможные негативные последствия в виде санкций не оказывают превентивного воздействия на лиц, совершающих данные противоправные деяния. Четко прослеживается неэффективность правового регулирования рассматриваемого направления деятельности. Эта проблема характерна для большинства учреждений пенитенциарных систем мира¹⁹ [18; 19]. С учетом того что противодействие указанному явлению находится в сфере организационного, правового, технического аспектов, решение проблемы должно носить исключительно комплексный характер. Меры должны осуществляться параллельно по следующим направлениям в зависимости от вида учреждения и его географического расположения: во-первых, придание ряду учреждений статуса «зон тишины» с соответствующим правовым оформлением и установлением ответственности в случае нарушения; во-вторых, использование интеллектуальных систем блокирования (для учреждений, где невозможно создание «зон тишины») с обязыванием операторов сотовой связи предоставлять данную услугу на безвозмездной основе, так как этот вопрос относится к обеспечению безопасности. Компромиссное решение в данной ситуации вряд ли возможно, так как происходит конфликт интересов сотовых операторов и ФСИН России (по обеспечению национальной безопасности). В настоящее время разработано три законопроекта по внесению изменений в КоАП РФ, УК РФ, закон «О связи», в результате принятия которых будет сделан еще один шаг к решению описанной проблемы.

Таким образом, право и безопасность — взаимосвязанные и взаимозависимые явления.

¹⁹ Drone sets off security alert at Hull jail. Ottawa, 2016. October 22. URL: <http://www.ottawasun.com/2013/11/26/drone-sets-off-security-alert-at-hull-jail> ; Drones used to try to smuggle contraband into jail // BBC News Services. 2013. Nov. 28. URL: <http://www.bbc.com/news/technology-25136068>.

В условиях динамично развивающихся общественных отношений предполагается внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство, особенно уголовное и уголовно-исполнительное. Непродуманное заимствование и имплементация европейских стандартов и правил в российское законодательство, особенно уголовное и уголовно-исполнительное, не всегда являются оправданными и могут вместо положительного

эффекта привести к кардинально противоположному [20]. Рассмотрение любых изменений действующего законодательства возможно исключительно через понимание эффективности, обеспечения безопасности функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы, соблюдения прав и законных интересов лиц, содержащихся в них, а также реализации основных задач, стоящих перед Федеральной службой исполнения наказаний России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности : учебник / под ред. В. П. Корячко, М. И. Купцова. — Рязань : Изд-во Акад. ФСИН России, 2016. — 354 с.
2. Пономарёв С. Б. Концепция информационно-аналитической системы оценки риска массовых беспорядков в исправительном учреждении / С. Б. Пономарёв, А. Р. Пустовалов, А. С. Свинцов // Вестник Российской правовой академии. — 2016. — № 2. — С. 76–78.
3. Барский А. Б. Нейронные сети: распознавание, управление, принятие решений / А. Б. Барский. — М. : Финансы и статистика, 2004. — 176 с.
4. Collins J. M. An application of the theory of neural computation to the prediction of workplace behavior / J. M. Collins, M. R. Clark // *Personnel Psychology*. — 1993. — Vol. 46, № 3. — P. 503–524.
5. Обеспечение национальной безопасности — приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы 11-го Рос. конгр. уголов. права, посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. В. С. Комиссарова, Москва, 31 мая — 1 июня 2018 г. / отв. ред. В. Г. Степанов-Егиянц. — М., 2018. — 752 с.
6. Как улучшить систему исполнения наказаний? [Электронный ресурс] : обзор предложений по совершенствованию системы исполнения наказаний / подгот. Е. Коростелева. — Режим доступа: <https://www.csr.ru/news/kak-uluchshit-sistemu-ispolneniya-nakazaniy>.
7. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ф. Н. Багаутдинов. — М., 2004. — 499 с.
8. Памфилова Э. А. Доклад Уполномоченного по правам человека РФ за 2015 г. / Э. А. Памфилова // Российская газета. — 2016. — 24 марта.
9. Перминов О. Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики / О. Г. Перминов // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2003. — № 2. — С. 246–262.
10. Горбачев В. Потерпевший от преступления — рок судьбы или страховой случай [Электронный ресурс] / В. Горбачев. — Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2015/08/01/poterpevshi_ot_prestupleniya_rok_sudby_ili_strahovoj_sluchaj.
11. Тарнавский О. А. Возмещение вреда в уголовном судопроизводстве / О. А. Тарнавский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. — 2010. — № 38 (214). — С. 67–70.
12. Жеребятёв И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России / И. В. Жеребятёв. — Оренбург : Изд-во Оренбург. ун-та, 2004. — 220 с.
13. Антипов А. Н. Коррупция: угроза безопасности или отправная точка правового регулирования / А. Н. Антипов // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2017. — № 5 (23). — С. 15–26.
14. Andrew C. A Human Rights Approach to Prison Management. Handbook for Prison Staff / C. Andrew. — 2nd ed. — London : International Centre for Prison Studies, 2009. — 169 p.
15. Хуторская Н. Приключения тюремных евростандартов в России [Электронный ресурс] / Н. Хуторская. — Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20120418/629336696.html>.
16. Лесников Г. Ю. Проблемы реализации уголовной политики / Г. Ю. Лесников. — М. : ЮНИТИ, 2005. — 99 с.
17. Овчинский В. С. «Из ГУЛАГА — в «крытку»? / В. С. Овчинский // Российский криминологический взгляд. — 2010. — № 1. — С. 351–356.
18. Спасенников Б. А. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях / Б. А. Спасенников, А. М. Смирнов // Социологические исследования. — 2015. — № 9 (377). — С. 120–124.
19. Sean Gallagher. Brokedown premise: Drone caught smuggling cell phones into Thai prison [Electronic resource] / Sean Gallagher // ARC Technica. — 2014. — 23 July. — Mode of access: <http://arstechnica.com/tech-policy/2014/07/brokedown-premise-drone-caught-smuggling-cel>.
20. О возможности и целесообразности имплементации некоторых положений европейских тюремных правил в российское законодательство / А. Н. Антипов [и др.] // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 1 (15). — С. 13–20.

REFERENCES

1. Koryachko V. P., Kuptsov M. I. *Informatika i informatsionnye tekhnologii v professional'noi deyatel'nosti* [Informatics and information technologies in professional activities]. Ryazan, The Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia Publ., 2016. 354 p.

2. Ponomarev S. B., Pustovalov A. R., Svintsov A. S. The Concept of Information-Analytical System of Risk Assessment Riots in Prisons. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Russian Law Academy Bulletin*, 2016, no. 2, pp. 76–78. (In Russian).
3. Barskii A. B. *Neironnye seti: raspoznavanie, upravlenie, prinyatie reshenii* [Neuronic Nets: Recognition, Management, Decision-Making]. Moscow, Finansy i Statistika Publ., 2004. 176 p.
4. Collins J. M., Clark M. R. An application of the theory of neural computation to the prediction of workplace behavior. *Personnel Psychology*, 1993, vol. 46, no. 3, pp. 503–524.
5. Stepanov-Egiyants V. G. (ed.). *Obespechenie natsional'noi bezopasnosti — prioritnoe napravlenie ugovolno-pravovoi, kriminologicheskoi i ugovolno-ispolnitel'noi politiki. Materialy 11-go Rossiiskogo kongressa ugovolnogo prava, posvyashchennogo pamyati doktora yuridicheskikh nauk, profesora V. S. Komissarova, Moskva, 31 maya — 1 iyunya 2018 g.* [Ensuring National Security as a Priority of Criminal Law, Criminological and Penitentiary Policy. Materials of the 11th Russian Congress of Criminal Law in Memory of Doctor of Law, Professor Komissarov, Moscow, May 31 — June 1, 2018]. Moscow, 2018. 752 p.
6. Korosteleva E. (ed.). *Kak uluchshit' sistemu ispolneniya nakazaniy?* [How can we improve the penitentiary system?]. Available at: <https://www.csr.ru/news/kak-uluchshit-sistemu-ispolneniya-nakazaniy>. (In Russian).
7. Bagautdinov F. N. *Publichnye i lichnye interesy v rossiiskom ugovolnom sudoproizvodstve i garantii ikh obespecheniya na predvaritel'nom sledstvii. Dokt. Diss.* [Public and private interests in Russian criminal court proceedings and guarantees of ensuring them during the preliminary investigation. Doct. Diss.]. Moscow, 2004. 499 p.
8. Pamfilova E. A. The Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in 2015. *Rossiiskaya Gazeta*, 2016, March 24. (In Russian).
9. Perminov O. G. Modern problems of criminal and penitentiary policy. «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve = «Black Holes» of Russian Legislation, 2003, no. 2, pp. 246–262. (In Russian).
10. Gorbachev V. *Poterpevshii ot prestupleniya — rok sud'by ili strakhovoi sluchai* [The victim of crime – fate or an insured event]. Available at: https://zakon.ru/discussion/2015/08/01/poterpevshi_ot_prestupleniya__rok_sudby_ili_strakhovoi_sluchaj. (In Russian).
11. Tarnavsky O. A. Compensation for damages in criminal proceedings. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2010, no. 38 (214), pp. 67–70. (In Russian).
12. Zherebyatev I. V. *Lichnost' poterpevshego v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve Rossii* [The Personality of the Victim in Modern Russian Criminal Court Proceedings]. Orenburg State University Publ., 2004. 220 p.
13. Antipov A. N. Corruption: a security threat or a reference point of legal regulation. *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2017, no. 5 (23), pp. 15–26. (In Russian).
14. Andrew C. *A Human Rights Approach to Prison Management. Handbook for Prison Staff*. 2nd ed. London, International Centre for Prison Studies, 2009. 169 p.
15. Khutorskaya N. *Priklucheniya tyuremnykh evrostandartov v Rossii* [Adventures of prison euro-standards in Russia]. Available at: <https://ria.ru/analytics/20120418/629336696.html>. (In Russian).
16. Lesnikov G. Yu. *Problemy realizatsii ugovolnoi politiki* [Problems of Criminal Policy Implementation]. Moscow, YUNITI Publ., 2005. 99 p.
17. Ovchinsky V. S. «From GULAG into «krytka»? Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook, 2010, no. 1, pp. 351–356. (In Russian).
18. Spasennikov B. A., Smirnov A. M. Social and legal characteristics of the convicts serving sentences in Russian correction colonies. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 9 (377), pp. 120–124. (In Russian).
19. Sean Gallagher. Brokedown premise: Drone caught smuggling cell phones into Thai prison. *ARC Technica*, 2014, 23 July. Available at: <http://arstechnica.com/tech-policy/2014/07/brokedown-premise-drone-caught-smuggling-cel>.
20. Antipov A. N., Golik N. M., Kudryashov O. V., Pervozvansky V. B. On the possibility and practicability of implementing some provisions of European prison rules into Russian legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2015, no. 1 (15), pp. 13–20. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипов Алексей Николаевич — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: aleksant1@mail.ru.

Спасенников Борис Аристархович — главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: borisspasennikov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-00025668-6457>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антипов А. Н. Правовые основы обеспечения безопасности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / А. Н. Антипов, Б. А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 925–935. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).925-935.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antipov, Alexei N. — Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ph. D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: aleksant1@mail.ru.

Spasennikov, Boris A. — Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: borisspasennikov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-00025668-6457>.

FOR CITATION

Antipov A. N., Spasennikov B. A. The legal basis of ensuring security in the penitentiary system. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 925–935. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).925-935. (In Russian).